

наго намъ единого строгаго фонетическаго закона, сѣверно-кашубское удареніе было *фонетизованнымъ* удареніемъ, вродѣ польскаго, но съ бѣльшей сложностью явленій.

Несомнѣнно, гдѣ-то въ прошломъ былъ переломъ въ оцѣнкѣ явленій ударенія со стороны говорящихъ, гдѣ-то въ прошломъ эмоціи одного порядка замѣнились эмоціями другого порядка. Сначала были эмоціи ударенія на послѣднемъ слогѣ слова, ударенія на предпоследнемъ слогѣ слова, ударенія на третьемъ отъ конца слогѣ слова, а потомъ возникли эмоціи ударенія на окончаніи, ударенія на послѣднемъ слогѣ основы, ударенія на предпоследнемъ слогѣ основы (въ части діалектовъ и ударенія на первомъ слогѣ основы).

Переломъ въ оцѣнкѣ явленій ударенія со стороны говорящихъ долженъ былъ, конечно, опираться на что-нибудь объективное. Вполнѣ достаточными для возникновенія этого перелома считаю первые сдвиги въ направленіи выравниванія ударенія по признаку принадлежности слоговъ къ тому или иному морфологическому элементу слова—появленіе какого-нибудь неподвижнаго по отношенію къ концу основы ударенія прилагательныхъ или существительныхъ II склоненія долготнаго типа. А при сложности первоначальнаго единого строгаго фонетическаго закона сдвиги эти были неизбѣжны.

Дополненіе.

§ 71. Въ одинъ изъ сѣверно-кашубскихъ діалектовъ (въ діалектѣ *Lusin-Schönwalde*) мы находимъ одно чрезвычайно своеобразное явленіе: слогъ съ *ā*, по крайней мѣрѣ для уха *Bronisch'a*, здѣсь либо получаетъ «второе въ словѣ» удареніе, либо перетягиваетъ на себя удареніе. О томъ, что слышалъ *Bronisch*, сужу по его записямъ въ Т. (въ *S.* на этотъ счетъ ничего нѣтъ). Вотъ примѣры, переписанные въ принятой нами транскрипціи. «Второе въ словѣ» удареніе на *-ā*: *p^uovādā* 66 (3 раза), 68, *p^uòkàžā* 66, *nàkàzāī* 66, *k^uòvāla* 67 (2 раза), *spřèvāzāī* 67, *v^uúvācīī* 68, *famīlējā* 68, *sràrà* 69. Перетяженіе ударенія на слогъ съ *ā*: *nalāz*, *vèlāz* 66 *вм.* *nālāz*, *vèlāz*, *k^uòvāl* 66 (3 раза), 67 (2 раза) *вм.* *k^uòvāl*, *zarāz* 67 (3 раза), 68, 69 (2 раза),